

... ГЛАВА 1 ...

— А тебе завтра отрубят голову, — бодро закончила она. — Согласись, выгодное предложение?

— Не уверена. А возможности заменить казнь нет? На отравление, например?

Разговор меня забавлял, он хотя бы был, пусть и с галлюцинацией. Когда пролежишь полтора месяца пленницей собственного тела без возможности перемолвиться с кем-то хоть словом, будешь рад и вымышленному собеседнику. Мысль, что меня накрыло сумасшествие, не пугала. Лучше сойти с ума, чем испытывать ежедневный ужас оттого, что ты все слышишь и чувствуешь, но не можешь не то что сказать, даже моргнуть самостоятельно. Вердикт врачей был неутешителен: вероятность, что я приду в себя, как они говорили, была нулевой. Моих чувств они не щадили, рубили правду-матку прямо при мне, потому что были уверены, что нет их, этих чувств. И меня нет в этом теле. Но я была, в этом-то и заключался весь ужас моего положения.

Если бы появилась возможность выбора между смертью или жизнью в таком виде, я бы однозначно выбрала смерть. Наверное, поэтому моя галлюцинация и возникла с таким предложением: мы меняемся душами, и меня завтра казнят на плахе на потеху толпе.

— Это почетная смерть, — заявила галлюцинация. — Доступная только дворянам. Иначе меня бы повесили. Чем тебе не нравится отрубание головы?

— Мне кажется, это больно, — сказала доверительно, поражаясь вывертам собственного сознания.

— Не волнуйся, в королевские палачи берут специалистов только высокой квалификации. Отрубят с одного удара, ты почти не почувствуешь боли. Умрешь легко.

— И почему же ты не хочешь такой легкой смерти?

— Потому что я хочу жить, а ты хочешь умереть. — В голосе глюка начало проскакивать раздражение. — Послушай, я знаю немало людей, которые отдали бы всю свою жизнь за один день в теле Сиятельного. Я предлагаю тебе мечту.

— Но не мою.

Странно, собеседницы я не видела, только слышала голос, который звучал отовсюду и ниоткуда. Словно зарождался в моей голове. Да почему словно? Так оно и было. Я схожу с ума, какая удача. Теперь будет с кем поговорить. Невольно хихикнула.

— У меня очень мало времени, — уже не скрывая раздражения, сказала аристократическая галлюцинация. — Поэтому либо ты соглашаешься, либо я уйду. Только учти, второго такого предложения не получишь. Будешь лежать колодой годы, а то и десятилетия, пока наконец не придет смерть милосердная.

— А тебе что за радость валяться колодой?

— Я валяться не буду. Я маг и знаю подходящие практики. Пара дней — и встану с постели.

— У нас нет магии.

— Если бы у вас не было магии, мы бы с тобой не разговаривали. Более того, ты тоже маг, иначе обмен не состоялся бы. Да что обмен, я бы на тебя никогда не вышла. Твое тело — идеальноеместилище для моей души.

Ее слова неожиданно покоробили. Мысль о том, что во мне появится квартирант, оказалась неприятна. Пусть даже этот квартирант — плод моего воображения.

— Оно и мою душу вмещает неплохо.

— То есть ты отказываешься? Тогда прощай.

— Стой! — Испугавшись, что опять останусь наедине с собой, была уже готова пойти на уступки галлюцинации, лишь бы та не исчезла. — Я почти согласна. Скажи, а за что тебя собрались казнить?

Даже в вымышленной реальности нельзя, чтобы преступник избежал отмеренного наказания.

— За попытку отравления короля, — неохотно ответила собеседница. — Неудачную.

- Ты правда хотела его отравить?
- Нет, не хотела, — еще более неохотно ответила она.
- Но если не хотела, то тебя обвинили несправедливо.

Можно опротестовать?

— Там все очень сложно. У меня нет времени. Поэтому либо ты соглашаешься и все узнаешь сама, либо не соглашаешься и не узнаешь никогда. Я не преступница, если тебя это беспокоит. Скорее жертва.

— И как я узнаю? — спросила скептически, почти вживаясь в роль будущей переселенки. — Если меня завтра казнят? У меня тоже не будет на это времени.

— Ритуал полного слияния — и тебе будет доступно все, что известно мне. И даже все, что я думала до момента обмена. А мне, соответственно, будет доступно все, что знала ты. Но учти, вместе с этим мы обменяемся клятвами, и ты никогда и никому не сможешь сказать, что ты — это не я. Клятва зеркальная, поэтому я тоже никому не смогу открыться. Обещаю позаботиться о тех, кто тебе дорог, и отомстить тем, кто этого заслуживает.

Последняя фраза была явно ритуальной.

— А если меня не казнят, мы обменяемся вновь?

Меня не отпускала призрачная надежда, что рано или поздно я смогу открыть глаза и покинуть опостылевшую кровать. Возможно, мое подсознание показывает выход?

— Тебя казнят, — не допускающим возражений тоном отрезала галлюцинация.

— А вдруг нет? В жизни всякое бывает. Встанет ваш король с правильной ноги и решит, что за неудачную попытку его убийства наказание слишком жестокое, достаточно ссылки. Что нельзя так бездарно растрачивать дворянский генетический материал. А то кто будет травить его в следующий раз?

— Ты не понимаешь, — с неожиданной горячностью ответила она. — Он не передумает. Это не-воз-мож-но. Но если вдруг тебе удастся избежать плахи, это ничего не изменит. Ритуал привязывает душу к новому телу так, что она уйдет оттуда только с физической смертью. Мы не отыграем назад, даже связаться друг с другом не получится, потому

что я вышла на тебя случайно, а вероятность повторения такой случайности очень низка. Так что останешься мной до конца жизни, сколько бы ее ни было отмерено.

— Билет в один конец, — пробормотала я понимающе.

— Прости, что?

— Обратного билета не будет.

— Время. Ты согласна или?..

— Согласна.

Действительно, если уж сходить с ума, то до конца. Так, чтобы жить в вымышленном мире и не слышать ничего из того, что происходит в моем. «Доктор, я буду ходить? Да, но только под себя», — при таких вводных жизнь в реале не кажется желанной.

— Тогда повторяй за мной слово в слово. Только имя ставишь свое. Я, герцогиня Эрилейская, Эстефания Маргарита Эсперанса Эмилия Клаудиа Исабель Лурдес Асунсьон Росарио...

— Я, Мельникова Екатерина Васильевна...

Слова, звучавшие в моей голове, заставляли вибрировать все тело. Неожиданно нахлынула боль, такая, что я бы заорала, если бы могла, но я была не в силах издать даже слабый стон. Зато, едва отзвучало последнее слово, появилась возможность не только говорить, но и двигаться.

Я встала с холодного каменного пола, совсем неиллюзорно неприятно шершавого. Какой-то он слишком реальный для галлюцинации. И слишком грубый. И исчерчен странными знакомо-незнакомыми символами, на которых я пока не стала заострять внимание.

— Эй, Эстефания Маргарита, как тебя там дальше, ты где?

Не успев договорить, поняла, что герцогиня Эрилейская, Эстефания Маргарита Эсперанса Эмилия Клаудиа Исабель Лурдес Асунсьон Росарио — это теперь все я, весь этот длинный список имен означает всего лишь одну маленькую меня. Последнюю из рода герцогов Эрилейских, которые завтра исчезнут окончательно, если я это позволю.

В голове царил хаос. Я чувствовала себя одновременно и Екатериной, и Эстефанией, и никак не могла отделить одно от другого, найти те знания, которые помогли бы из-

бежать завтрашней смерти, которая теперь казалась очень даже возможной. Посторонний голос пропал. Значило ли это, что меня посетила никакая не галлюцинация и действительно произошел обмен?

Слишком настоящим было все вокруг. Я ущипнула себя и ойкнула от боли. Поднесла к глазам руку, на которой адело пятно от щипка, грозящее перейти в синяк. Тонкую изящную руку аристократки, у которой даже в тюрьме нашлось время на маникюр — ногти были ровные, аккуратно обработанные и покрытые розовым лаком. Память услужливо подсказала, что это работа личной служанки, которая ежедневно, утром и вечером допускалась в камеру. Единственная поблажка для титулованной особы, потому что вид камеры оставлял желать лучшего. Где кровать с балдахином из бархата? Где туалетный столик розового дерева с зеркалом на серебряной амальгаме? Где банкетка, покрытая розовым шелком, на которой было так приятно сидеть перед зеркалом, расчесывая длинные золотистые волосы? Ничего подобного не было и в помине.

Да меня нагло обокрали! Чужие воспоминания — это хорошо, но мне-то досталась плохо сбитая койка с соломенным матрасом. И никаких зеркал, что особенно обидно. Потому как по воспоминаниям Эстефания была на редкость красивой особой, что уравнивалось полным отсутствием мозгов. Иначе она не попала бы в такую глупую ловушку. Впрочем, в семнадцать лет иллюзии — болезнь многих.

Тело сковывала усталость, но желание умирать пропало. Желание жить, передавшееся от прежней владелицы тела, оказалось куда сильнее.

Я подняла голову к окошку, забранному частой решеткой. Оно было у самого потолка, и за ним чернела ночь. Или оно было закрыто чем-то непрозрачным, полностью перекрывающим свет. Но скорее всего, сейчас все-таки ночь, и у меня времени аккурат до утра.

Что в активе? Эстефания говорила о магии, но ее знания оказались куцыми. Кроме секретных семейных методик, к которым как раз относилась перепривязка душ, она вла-

дела небольшим набором бытовой и косметической магии и парой лечебных заклинаний, одно из которых действительно должно было вывести мое тело из комы там. В моем мире. Появилось осознание, что теперь мой мир этот и, если я не хочу распрощаться еще и с ним, нужно бежать. Подумать о том, что случилось, можно и потом. Способности Эстефании мне не помогут. А мои?

До окна я не доберусь. А если бы и добралась, вряд ли у этого тощего тельца хватит сил выломать хотя бы один стальной прут. Усиливающих заклинаний она не знала, потому что не планировала заниматься вещами, недостойными сиятельной леди. Но если бы и знала, синеватые огоньки на решетке показывали, что та под магической защитой. Значит, окно отпадает.

Дверь? Засов снаружи, до него не дотянуться. Заклинанием? Боюсь, тем вариантом, которым Эстефания подвигала локоны, засов не сдвинешь. От дверей тоже тянуло магией, на один засов тюремщики не полагались.

Пол. На полу магии нет, но... Я с сомнением посмотрела на камни, плотно пригнанные друг к другу, и на свои руки. Нет, я бы попыталась прорыть ход хотя бы до соседней камеры, был бы у меня год в запасе. Но его нет, как нет ничего, чем можно было бы хоть немного расковырять камни. В камере не было даже ложки. Только металлический кувшин с водой.

Размышляя, я старательно затираю вычерченные на полу символы. Незачем кому-то знать, что здесь произошло. Вовремя — не успела уничтожить последний, как дверь распахнулась, впуслав придворного мага, а по совместительству того, кто загнал Эстефанию в ловушку всего лишь пару дней назад.

Уго Бласкес — мерзкая крыса, даже неопрятные пряди длинных сальных волос напоминали крысиные хвосты. Целый пучок крысиных хвостов на голове. Маг вызывал у меня тошноту и страх. Страх у Эстефании, тошноту у меня. Все-таки мужчина, как бы он ни был занят, должен мыться хотя бы раз в неделю, а не дважды в жизни — при рождении и после смерти. Главный придворный маг мытьем не

злоупотреблял, наверное, боялся, что испортится или растает, и от него несло так, что я порадовалась, что осталась без ужина.

— Чем это ты тут занималась, Эстефания?

— Извольте ко мне обращаться «ваша светлость».

— И чем же здесь занималась ваша светлость? — издевательски спросил он и цепким взглядом пробежался по камере.

Задержался на полу. Какие символы там изображались, уже не разобрать, но и того, что они там вообще были, тоже не скрыть.

— Неужто пыталась вызвать демона? — хохотнул маг. — Или инкуба? Чтобы вкусить радость плотских утех хотя бы напоследок?

— Пошел вон из моей камеры, — сказала так холодно, что бывшая владелица тела непременно это оценила бы. — Пес смердящий.

— Твоего здесь ничего нет, дура. — Бласкес раздвинул губы в неприятной улыбке. — Да и вообще считай, что у тебя ничего больше нет. Желающие прибрать почти бесхозное герцогство осаждают его величество Теодоро Блистательного со вчерашнего дня.

Титулование было столь забавным, что я расхохоталась. Ситуация к смеху не располагала, но ощущение полного владения собственным телом казалось столь прекрасным, что все остальное отходило на второй план.

— Смейся, смейся, недолго осталось, — проворчал маг. — Тупая курица, даже ритуал как следует провести не смогла, а ведь я дал тебе такую возможность, но нет, профукала. Правильно говорят, что Эрилейские выродились. Не мозги — одна сахарная вата.

Он прошел и взял со стула лежащий там кусок мела. Тот самый, которым рисовались руны, тот, про который Эстефания думала, что утащила из-под носа придворного мага. А оказалось, он сам подсунул. Зачем?

— Меня не учили магии, — напомнила.

— Оно и видно. Все, куколка, встретимся завтра на твоей казни.

Он взмахнул рукой и создал реалистичную иллюзию, почти фильм. Голову красивой блондинистой девушки грубо прижали к колоде, украшенной потеками засохшей крови. В ярких солнечных лучах сверкнул топор. Толпа ахнула.

Маг расхохотался, не дав досмотреть сцену, и ушел. Дверь хлопнула, замки лязгнули, загудела охранная магия. Теперь под заклинаниями были и пол со стенами, что делало побег совершенно невозможным. Это я понимала и как Катя, и как Эстефания, чьи знания о магии получила бонусом при переходе. Куцые знания, никуда не годные. А ведь герцоги Эрилейские всегда славились и силой, и разнообразием применяемых заклинаний.

Осталось понять, зачем Бласкес давал возможность провести ритуал. Что он рассчитывал получить? Не мой же побег? Для этого он слишком сильно меня ненавидел, что проскакивало в каждом слове и движении. И совершенно непонятно почему: Эстефания нигде не переходила ему дорогу, да и не могла бы. Она только-только начала выезжать под патронажем тети, но тетку упекли в монастырь, а Эстефания решила ее спасти, обратившись к королю. Вот и доспасалась до того, что пришлось спасаться самой. Она-то выкрутилась, а я?

Широко зевнула. Проблемы казались ненастоящими, не моими, а вот спать хотелось невероятно, и чем дальше, тем сильнее. Поэтому, еще раз оглядев камеру на предмет хоть маленькой щелочки в защите и ничего не найдя, отправилась спать.

Как говорится, утро вечера мудренее. Даже если это утро моей собственной казни.

....🌟 ГЛАВА 2 🌟....

Спалось мне не сказать чтобы отлично, и утром я проснулась не сама, а была разбужена горничной. Очень ответственной горничной, которая тормозила меня, повторяя:

— Ваша светлость, вставайте. Вам же умыться и переодеться надо. Негоже, ежели вас такой люди увидят. Позор это.

— Позор — то, что собираются казнить невиновного человека.

Приоткрыла глаза и с интересом разглядывала свою горничную, размышляя, значит ли что-то ее имя — Эсперанса¹ — для моего будущего. Самый простой вариант — предложить денег, чтобы она осталась в камере, а я вышла в ее одежде, — отпадал. И не потому, что мне вспомнились ее рассказы о том, как ее обыскивали до визита к хозяйке и после ухода, а потому, что нас было невозможно перепутать. Эсперанса была выше меня на целую голову, шире в талии и увесистей в груди, а уж мои золотые локоны с ее черным богатством спутал бы только слепой. Хотя по объему они были близки, по цвету — полная противоположность. Да и по характеру носительницы разных шевелюр сильно отличались. Эстефания — сдержанная и холодная, несмотря на возраст, Эсперанса — импульсивная, эмоциональная, не умеющая держать свои мысли в тайне. Нет, теоретически, если бы не обыск, попробовать можно было бы. Уверена, Эсперанса даже согласилась бы привязаться к кровати, а я — попытаться пройти на цыпочках.

— Да разве ж теперь докажете... — сочувственно проворчала она. — Раньше надо было. Хотя и сегодня, когда вас будет напутствовать священник, скажите ему, не теряйтесь.

Но по ее тону было понятно: не верит, что с эшафота смогу уйти целиком, а не унесут меня по частям: часть на носилках, вторую в корзинке. Эсперанса поставила на табурет тазик с водой, опустила в нее тряпку, отжала и собрала меня обтирать.

— А ванна мне не положена?

— Да откель тут ванна? Скажите спасибо, что таз с водой разрешили пронести. — Она вздохнула. — Хотя весь его обшарили. И вода уже не горячая. Но пока не холодная.

— А завтрак? — Я тоскливо огляделась.

В камере, кроме тазика, прибавилось только роскошное платье, в котором герцогиня должна красиво уйти из жизни.

¹ От исп. *esperanza* — надежда (здесь и далее прим. авт.).

Нет, я иногда мечтала походить в чем-то таком, но не один день, который окажется последним.

— Побойтесь Двуетиного! Какой завтрак перед казнью?

— Плотный. — Теперь вздохнула я. — Понятно. Ни ванны, ни кофе, ни какао, ни даже бокала шампанского не дадут. Король решил на мне сэкономить.

Увы, не досталось мне не только герцогской кровати, но и герцогского завтрака. Кругом обман. Конечно, мне ничего не обещали, но от осознания этого чувство обманутости никуда не делось.

— Не говорите так, ваша светлость, — всполошилась Эсперанса, испуганно оглядываясь на дверь. — Вы же прекрасно знаете, что перед казнью положен пост, чтобы очиститься душой до того, как предстанете перед господом нашим, одной из его ипостасей. Молю, чтобы это была белая. Да и как иначе? Вы и согрешить-то не успели. — Она сделала правой рукой знак, похожий на круг с точкой посередине, и я сразу вспомнила, что это знак благословения. — Вам и без того, ваша светлость, что-то плохое снилось.

— Почему ты так решила?

— Вы кричали во сне: «Поворачивай, Макс!» Никак брата вспомнили...

Брат Эстефании, которого действительно звали Максимилиано, погиб два года назад. Но снился, разумеется, не он. Снилась мне та роковая поездка, после которой мое тело перестало меня слушаться. И Макс тоже был оттуда. По словам причитавшей надо мной мамы, он даже не поцарапался, удачно подставив мою сторону, получил условку и уже утешился с другой. Надеюсь, Эстефания прочтет мои воспоминания и воздаст ему по заслугам, если ее план удастся и она встанет с кровати. Согласилась бы я на обмен, зная, что он настоящий и меня действительно казнят? Да, потому что жизнь я любила, но прозябание овощем — не жизнь.

Эсперанса что-то сочувственно щебетала, готовя меня к последнему выходу в свет. Обтерла душистой водой, присыпала волосы каким-то порошком и сразу начала его вычесывать. И то и другое пошло на пользу: первое — коже, второе — волосам. Видимые мне локоны засияли, словно

после дорогого шампуня и ополаскивателя. Затем горничная начала сооружать на голове прическу, оголяя шею и заставляя меня невольно думать о том, что этой шее сегодня придется несладко. В воспоминаниях прежней Эстефании я не могла найти ничего, что помогло бы избежать топора палача.

Корсет Эсперанса затянула так, что, если бы мне принесли запоздалый завтрак, я бы не смогла пропихнуть в себя ни кусочка. Что там завтрак — я и дышала-то через раз, и то вполсилы.

— Давай ослабим, — выдохнула.

Выдохи получались куда легче вдохов, поэтому выдыхалось больше, чем попадало в легкие. Следовательно, скоро наступит нехватка кислорода, и я бухнусь в обморок там, где буду стоять. Конечно, я не почувствую, когда меня будут лишать жизни, но хотела бы пробить в сознании до последнего мига.

— Нельзя, — поджала губы Эсперанса, — вы сегодня должны быть самой красивой. Боженьки, — всхлипнула она, — что же это делается? Вам бы жить и жить... Зачем вам понадобилось травить его величество?

— Я не травила.

— Ваша светлость...

Укоризненно покачав головой, она принялась натягивать и расправлять на мне нежно-голубое платье с вышивкой золотом и жемчугом. Жемчуг был настоящий, а в отношении золота я не была уверена. Эстефания о таких тонкостях не задумывалась, ее нарядами занималась тетя. Та самая, которую сослали в монастырь. А мне, наверное, без разницы. Если бы появился шанс сбежать, вышивку можно было бы спороть и продать. Жемчуг так точно. Да ведь на мне целое состояние!

Эсперанса закончила одевать меня, оглядела и неожиданно расплакалась, горько, с подвываниями и размазыванием слез по лицу. Она любила свою хозяйку, и ей было больно ее терять.

— Я еще не умерла, — напомнила, — не оплакивай меня раньше времени.